Клоун который не умел плакать

САЛЯ ФЭЙ

18+

Саля фэй
Клоун который не умел плакать

https://litres.ru/74049794
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда в декабре 1978 года полиция начала раскапывать подпол дома 8213 по Уэст-Демарест-бульвару в пригороде Чикаго, Норвуд-Парк-Тауншип, они ещё не знали, что найдут. Сначала был запах — сладковатый, тошнотворный, смешанный с известью. Потом появились кости. Полицейские, привыкшие к трупам, отворачивались и выбегали на улицу, чтобы глотнуть холодного воздуха. А сам хозяин дома — 36-летний подрядчик, активный член Демократической партии, устроитель районных праздников и клоун по имени Пого — сидел в участке и спокойно пил кофе.

«Я всего лишь устраивал представления для больных детей, — говорил он. — Клоун не может быть плохим». Эта книга — не о монстре. Монстры не носят костюмы клоунов и не подают пиццу в больницы.

Эта книга — о том, как человек научился играть роль, пока внутри не осталось ничего, кроме расчёта. О том, как клоун, который не умел плакать, заставил плакать целый город.

И о том, как легко принять улыбку за душу.

Содержание

Глава- Добрые игры 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Клоун который не умел плакать

Глава- Добрые игры

Они нашли его в подполье дома 8213 по Норт-Уэстерн-авеню. Не клоуна — человека. Тридцать три тела. Двадцать девять опознали по зубам. Четыре так и остались безымянными. Пого улыбался с картинок. Пого не умел плакать. Когда полицейские вошли в гараж, там пахло хлоркой и сырой землёй. Гейси сидел в кресле, в халате, с банкой колы в руке.

Он спросил: «Вы из-за мальчика?» — и улыбнулся той же улыбкой, что рисовал детям на лицах. В его спальне нашли наручники и цепь. В подвале — схемы тела человека с пометками: «левая рука — 45 см», «правая нога — от колена». Он не был безумцем. Безумцы не строят чертежи. Он был инженером пустоты.

Эта книга — не о монстре. Монстры не носят костюмы клоунов и не подают пиццу в больницы.

Эта книга — о том, как человек научился играть роль, пока внутри не осталось ничего, кроме расчёта.

О том, как клоун, который не умел плакать, заставил плакать целый город. И о том, как легко принять улыбку за душу.

Вот как это начиналось.

Он родился в Чикаго, в день святого Патрика, 1942 года. Мать говорила, что он был тихим ребёнком. Слишком тихим. Он не плакал, когда его роняли. Не кричал, когда резался. Только смотрел — долго, немигающе, как смотрят в аквариум перед тем, как разбить стекло. Отец был сапожником. Пил. Когда напивался, называл сына «сопляком» и «бабой». Однажды ударил так, что Джон

потерял сознание. Очнулся — отец стоял над ним с ремнём и улыбался. Та же улыбка, которую Джон потом копировал перед зеркалом часами.

— Ты должен улыбаться, — сказал отец. — Мужчина всегда улыбается, даже когда больно.

Джон запомнил. В школе его не били. Его не замечали. Он был тенью, которая научилась принимать форму человека. Он помогал учителям, носил сумки девочкам, улыбался. Все говорили: «Какой воспитанный мальчик». Никто не спросил, почему он никогда не играл. В десять лет его впервые ударило током. Он полез на столб за воздушным змеем, схватился за провод. Две секунды — и он лежал на земле, глядя в небо. Сердце остановилось на три удара. Врачи сказали: «Чудо».

Джон сказал: «Пустота». После этого он начал рисовать. Сначала просто линии. Потом лица. Всегда одинаковые — широкий рот, вытянутые глаза, красный нос. Когда мать спросила, почему у всех его рисунков такой странный рот, он ответил: — Потому что они не могут закрыть его. Они всё время хотят кричать. Мать не поняла. Мать никогда не понимала. Она думала, он станет художником. Он стал бухгалтером. Работал спокойно, аккуратно, без ошибок. Коллеги говорили:

«Джон — душа компании». Он организовывал вечеринки, приносил домашнее печенье, шутил. Шутки были плоские, но он улыбался так широко, что никто не замечал. В двадцать один он женился. Жена была милой, тихой. Она думала, что знает его. Она не знала, что по ночам он вставал, садился за стол и рисовал

лица с широкими ртами. Или что в гараже лежала верёвка. Первый раз он убил в двадцать три. Это был случай. Случайность, которую он сам себе организовал. Парень подвозил его, начал приставать. Джон сказал: «Не надо».

Парень не послушал. Джон нащупал под сиденьем монтировку — и всё кончилось быстрее, чем он ожидал. Он не испугался. Он почувствовал то же, что в десять лет, когда ток шёл по телу — пустоту, которая заполняет всё. Потом пришёл страх — короткий, резкий, как укус. Но страх ушёл. Осталось только знание: он может. И никто не узнает. Тело закопал в лесу. Вернулся домой, жена спросила, где он был.

«Задержался на работе», — улыбнулся он. Она поверила. Потому что кто не поверит человеку, который так искренне улыбается в лицо? Он переехал в Айову. Потом в Неваду. Потом в Иллинойс. Каждый раз — новая работа, новый дом, новые соседи, которые говорили:

«Какой славный парень». Каждый раз — пустота, которую он заполнял всё большим количеством лиц. На бумаге сначала. Потом — в жизни. В 1971 году он осел в Норт-Уэстерн-авеню, 8213. Дом был старым, с большим подвалом. Хороший подвал. Влажный, тёмный, прохладный.

Он сказал жене:

«Здесь мы будем счастливы». Она не спросила: «Почему подвал так пахнет хлоркой?» Никто не спросил. Никогда. А Пого тем временем ждал своего часа. Не на картинках — в подвале. Чтобы однажды, сквозь дыру в земле, показать свою улыбку тем, кто ещё верит, что клоуны бывают добрыми. Но сначала

нужно было стать клоуном.

Он купил книгу

«Искусство клоунады» — так она называлась. Тонкая, с чёрно-белыми картинками. На обложке — человек с красным носом, широкой улыбкой и печальными глазами. Джон долго смотрел на эту картинку. Положил книгу под подушку. Начал учиться. По утрам он вставал в четыре. Выходил во двор, смотрел на звёзды и повторял одно и то же:

— Я клоун

Я заставляю людей смеяться. Люди любят клоунов. Сначала это звучало как приказ.

Потом — как заклинание.

Потом — как имя. Жена смотрела на него странно. Он стал чаще носить грим. Сначала дома — просто белая краска на пол-лица, для практики. Она спрашивала:

«Что это?»

Он отвечал: «Маска, милая. Все клоуны носят маски». Она не понимала, что он говорил о себе. В 1975 году он вступил в клуб «Jolly Jokers» — местное общество клоунов-любителей. Они устраивали парады, лечили детей в больницах, веселили стариков в домах престарелых. Джон был лучшим. Он приносил собственные надувные шары. Знал фокусы. И никогда не снимал улыбку.

— Пого,

— представился он на первом собрании. — Меня зовут Пого. Старики и де-

ти любили его. Дети особенно. Они не боялись его грима — наоборот, тянули руки. Одна маленькая девочка сказала: «У тебя самая добрая улыбка на свете». Джон погладил её по голове. Вечером записал в дневнике: «Она меня почти раскусила. Почти. Но я справился. Улыбка, Джон.

Главное — улыбка».

Подвал был готов. Он выложил стены плиткой, как в бассейне. Купил канистру хлорки. Установил крюки на потолке — говорил жене, что для копчения мяса. Она не заходила туда. Никогда. А если и проходила мимо, то чувствовала запах — сырой, землистый, сладковатый. Но не спрашивала. Никто не спрашивал. Первого он привёл под Рождество. Молодой парень, двадцать лет, автостопщик. Джон остановил машину на трассе, открыл дверь, улыбнулся самой доброй улыбкой Пого — так, как улыбался на параде, когда дети бросали конфетти.

— Замерз? Садись. Я отвезу тебя, куда скажешь. Парень сел. Джон свернул на второстепенную дорогу. Парень спросил:

«Мы не туда едем?» Джон засмеялся: «Мы всегда едем туда, куда нужно. Просто иногда не знаем этого». В тот вечер он не убил его сразу. Нет. Он был клоуном, а клоуны всегда сначала играют. Джон заставил его надеть колпак, надуть шары, спеть песню. Парень плакал. Джон говорил: «Тише, тише, я же добрый клоун. Я только хочу, чтобы ты улыбнулся». Улыбнуться он его не заставил. Зато заставил замолчать. Ночью он вышел из подвала, вымыл руки, посмотрел в зеркало. Грим был стёрт, но улыбка осталась. Та, что нарисована

не краской — плотью. На следующий день он пошёл на парад. Две сотни детей, шары, музыка. Пого прыгал, кувыркался, раздавал леденцы. Родители фотографировали. Одна мать сказала:

«Какой чудесный клоун.

Дети от него без ума». Джон поклонился. Снял шляпу. И подумал:

«Подвал — это сцена.

Улица — это сцена.

Вся жизнь — это сцена.

И я — главный актёр». Но он ошибался. Главный актёр ещё не вышел на свет. Пока он ждал в подвале, скрученный из человеческой кожи и краски, — Пого настоящий, тот, кто не улыбался, а показывал зубы. Он ждал, пока Джон поймёт: клоун — не маска.

Клоун — это когда человек умирает, а на его место приходит смех. Это пришло не сразу. Но пришло обязательно.

Однажды утром Джон проснулся и не увидел своего лица.

Он подошёл к зеркалу — и там, за стеклом, сидел Пого. Не отражение, а именно он — в полный рост, в клоунском костюме, с нарисованной улыбкой до ушей. Пого подмигнул. Джон отшатнулся, ударился спиной о стену, но зеркало молчало. В нём больше не было мужчины средних лет с мешками под глазами.

Был только клоун.

— Ты решил, что я твоя маска, — сказал Пого из зеркала. Голос шёл не из комнаты, а откуда-то изнутри черепа.

— Но это ты был моей маской, Джон. Человек, которого ты играл, чтобы ходить на работу, платить налоги, целовать жену. Я ждал, когда ты устанешь. И ты устал. Джон не ответил. Он опустил взгляд на свои руки. Пальцы были в белой краске. Он потёр их о халат — краска не стиралась. Она въелась в кожу. Или кожа сама стала белой. Жена закричала, когда увидела его за завтраком.

— Что с твоим лицом?! — она выронила чашку, кофе растёкся по линолеуму.

— Джон, это не смешно! Он улыбнулся. Широко. До боли в скулах.

— Смешно, — сказал он.

— Очень смешно. Видишь? Я улыбаюсь. Я всегда улыбаюсь. Она выбежала из дома. Вернулась с соседом. Сосед заглянул в кухню, увидел Джона, сидящего с кружкой чая, и пожал плечами:

— Нормальный он. Сидит, чай пьёт. Ты чего, Марта?

— Лицо! — кричала она.

— Его лицо! Но Джон повернулся к соседу — и сосед увидел обычного мужчину. Усталого, лысеющего, с морщинами у глаз. Никакой краски.

— Марта, тебе отдохнуть надо, — сказал сосед и ушёл. Джон — или Пого? — допил чай. Вечером он спустился в подвал. Там всё было готово. Крюки, канистра, плитка. Но теперь он видел это иначе. Раньше он думал, что подвал — это мастерская, где он превращает людей в клоунов.

Теперь он понял:

подвал — это зеркало. Чем больше тел он складывал вдоль стен, тем яснее видел своё настоящее лицо. Он снял одежду. Надел костюм. Ботинки-гармошки. Парик. Красный нос. Перед старым треснутым зеркалом, которое стояло в углу подвала, он произнёс: — Я — Пого. Я заставляю людей смеяться. Люди любят клоунов. Зеркало ответило: — Теперь ты готов. В ту ночь он не вернулся в спальню. Жена просидела до утра на кухне, глядя на дверь подвала. Она слышала смех.

Свой собственный — и чужой. Но чужой был громче. Наутро она вызвала полицию. Полицейские вошли в дом. Джон сидел на полу в гостиной, в гриме, и надувал шары. Один шар лопнул — звук был как выстрел. Все вздрогнули. Джон засмеялся.

— Тише, тише, — сказал он, прижимая палец к красным губам.

— Вы спугнете детей.

— Где ваша жена, мистер Смит? — спросил офицер. Джон наклонил голову. Шар всё надувался. Жёлтый, с улыбкой.

— Жена? Она в шоу. Мы все в шоу. У неё лучшая роль. Зрительница. Она смотрит, как я работаю. Офицер шагнул в коридор. Дверь в подвал была приоткрыта. Оттуда тянуло хлоркой и чем-то сладким.

— Что там? — спросил он. Джон перестал надувать шар. Встал. Ростом он был невелик, но сейчас вдруг показался огромным. Он расправил плечи, развёл руки в стороны — как на параде, когда дети ждали, что он начнёт представление.

— Это секретная комната, — сказал он шёпотом. — Там рождается смех. Офицер спустился первым. Второй полицейский остался с Джоном. Шар лопнул снова. — Будет весело, — сказал Джон. И улыбнулся так, что у полицейского перехватило дыхание. Потому что улыбка Пого больше не была нарисована. Она была настоящей. И у неё было слишком много зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.